

DOI 10.32726/2411-3417-2022-1-7-20

УДК 1(470) (091); 929; 94(47)

Антон Крутиков

Философ Н.О. Лосский: размышления о русской нации, украинском и белорусском национализме

Аннотация. Отмечая способность русского народа к высшим формам духовного опыта, универсальность и всемирность русской культуры, высланный из России в 1922 г. философ Н.О. Лосский сделал вывод о глубоких духовных корнях «большой русской нации». Ученый обосновал идею исторического единства русских, украинцев и белорусов, противопоставляя ее практике культурного и политического сепаратизма. Три ветви русского народа, согласно Лосскому, создали «великую державу с мировой культурой». Рассматривая нацию с позиций философии персонализма как «личность высшего порядка», Н.О. Лосский доказывал неделимость русской культурной и исторической традиции.

Ключевые слова: Н.О. Лосский, Русская революция, национализм, русская философия, русская нация, СССР, украинский национализм, белорусский национализм.

В 1922 г. председатель Реввоенсовета Лев Троцкий в интервью американской журналистке Анне Луизе Стронг дал свое объяснение высылке из Советской России представителей интеллигенции, более известной под символическим названием «философский пароход»: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно» [Осоргин, с. 180]. Несмотря на апокрифичность высказывания, многие современники склонны были увидеть в нем отражение нового подхода советской власти к наиболее ярким представителям интеллектуальных и творческих сил русского общества. А именно к тем из них, кто, сохранив свое христианское мировоззрение, несмотря ни на какие «обстоятельства времени», так и не принял марксизм.

В начале 1920-х годов вопросы соотношения нации и государства, которые в разрушенной и опаленной Гражданской войной стране были жгучими и болезненными, власть стремилась решать самостоятельно, без опоры на столь ценимых Л.Д. Троцким «старых специалистов». А в условиях мобилизации партийных сил, запрета на фракционную деятельность в РКП(б), процессов против меньшевиков и левых эсеров, оформления идеологической диктатуры партии любая конкуренция оказалась как минимум неуместной. Изменилась сама тематика дискуссии о будущем советского государства. В публичном пространстве прежний русский имперский дискурс был замещен «про-

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, внештатный эксперт Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, bialyorzel1000@gmail.com.

летарским интернационализмом», а те, кто не принял этого, бросая вызов партийной догме, подлежали изъятию из общества.

Оценить «гуманизм по-большевистски» пришлось в эти осенние дни 1922 г. и пассажиру покидавшего Петроград парохода «Preussen» философу Николаю Онуфриевичу Лосскому. Выдающийся русский мыслитель, профессор Санкт-Петербургского университета, преподаватель женских Бестужевских курсов, был в одночасье лишен родины, однако не выказал по этому поводу никакого раздражения или протеста. «В доме Отца Моего обителей много», — так начиналась вышедшая почти четыре десятилетия спустя книга его воспоминаний. Внутренняя свобода всегда оставалась тем качеством Н.О. Лосского, которое он пронес через всю свою долгую жизнь, невзирая на крушения политических режимов, революции, мировые войны и несколько вынужденных эмиграций. При всей тяжести выпавших на его долю испытаний ученый никогда не расставался со своими принципами; даже в 1919 г. в умирающем от голода Петрограде он вел семинар «Проблема свободы воли» и, по его собственному признанию, «мог продолжать свою работу вполне в том духе, как и до революции» [Лосский, Воспоминания...].

Его новая теория «интуитивизма» в философии, ставшая альтернативой распространенному среди современников позитивизму, оказалась очень действенным средством сопротивления разрушительным вызовам времени. Признавая в интуиции наиболее достоверное средство познания, Н.О. Лосский противопоставлял ее позитивистскому пониманию науки, указывая на чувства и интеллект как на равнозначные и равно полезные для исследователя инструменты. Выступая против торжества материализма, опиравшегося на позитивистскую мораль, бесстрашно отражая нападки политических и научных оппонентов, Лосский оставался верен принципам христианства, русской культуры и православной русской традиции.

«В наше время, — утверждал он, — христианский идеал абсолютного добра можно защищать не иначе, как с помощью глубокой философии, опровергающей материализм, позитивизм и всевозможные виды натурализма» [Там же].

Его публичные выступления в 1919–1920 гг., в том числе в Вольной Философской Академии, основанной поэтом Андреем Белым, собирали сотни слушателей. Социолог Питирим Сорокин, однажды в 1921 г. выступавший вместе с Лосским в Петрограде, в своей лекции провозгласил: «задача русского народа состоит в том, чтобы осуществить идеал, начертанный святым Нилом Сорским, Достоевским, Львом Толстым» [Лосский, Воспоминания...]. Можно сказать, что это было жизненным кредо и для Лосского, определившим судьбу обоих русских мыслителей и заставившим их помимо воли покинуть родину.

Впрочем, ни одного слова упрека ее новым властям философ не высказал. Его добродушная ирония наряду с глубоким пониманием поразившей страну катастрофы лишь однажды проявилась в рассказе о беседе со следователем ВЧК Козловским накануне высылки из Советской России. Именно тогда Н.О. Лосскому пришлось лично

столкнуться с нетерпимостью и классовой ненавистью новой власти. «Наши старшие решили выслать вас за границу, а по-моему вас надо просто к стенке поставить», то есть расстрелять», — безапелляционно заявил следователь петроградского ВЧК. Парадоксально, что бывший кузнец и профессор университета увидели тогда друг в друге не просто классового врага, но отражение своей собственной картины мира, часто жестокой и несправедливой. Никакой личной неприязни при этом не возникало, ведь даже забывшие о человечности большевики для Лосского оставались обманутыми и впадшими в заблуждение русскими людьми: «Он сказал это без всякой злости, таким добродушным тоном, что нельзя было возмутиться его простодушной, бессознательной жестокостью и несправедливостью» [Лосский, Воспоминания...].

Чувственное восприятие мира всегда помогало ему переживать трудности. Несмотря на трагизм положения его родины, последний брошенный взгляд на исчезающий в ноябрьском тумане Петроград был исполнен надежды, грусти и христианского смирения: «Последнее впечатление от любимого мною Петербурга была картина красивого силуэта Исаакиевского собора и зданий набережной на фоне неба» [Там же]. 16 ноября 1922 г. философ навсегда покинул Россию.

Работа в эмиграции принесла Лосскому славу одного из крупнейших русских мыслителей XX столетия. Живя в Праге, Братиславе, Париже и Нью-Йорке, посещая с лекциями Лондон, Белград и Варшаву, он затрагивал в своих выступлениях множество актуальных общественных и философских вопросов. Библиография его работ насчитывает почти 300 наименований [Лосский, История русской философии, с. 4]. В их числе — книги, статьи, брошюры, монографии и другие труды, изданные на русском, немецком, английском, французском, чешском и словацком языках. Энциклопедизм знаний, широчайшая эрудиция, тонкое чувство эпохи и знакомство со знаменитыми современниками сделали личность Лосского легендарной еще при жизни.

В одной из своих работ философ подчеркивал, что «национальная культура приобретает известность во всем мире только тогда, когда ценности, развитые в ней, становятся достоянием человечества» [Там же, с. 19]. Эту закономерность, несомненно, отразил и его собственный жизненный путь. Защищая высокие ценности русской культуры, Лосский открыл миру богатство русской религиозной философии, познакомив западного читателя с творчеством В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и многих других знаменитых мыслителей.

В связи с этим часто звучит мнение современных исследователей о том, что «Лосский-философ нередко отодвигает на задний план Лосского-историка» [Там же, с. 9]. Такая оценка отражает, однако, лишь одну из сторон его многогранных научных достижений. Во многих трудах ученого легко обнаружить прямо противоположную тенденцию. В первую очередь она характерна для таких его произведений, как «Характер русского народа», «История русской философии» и, конечно же, «Воспоминания».

Особый интерес представляют взгляды Н.О. Лосского по национальному вопросу, сформулированные ученым в эмиграции: размышления о России и русском народе, его

социокультурных особенностях, психологическом типе и историческом пути. Так сложилось, что творчество Лосского при жизни не было востребовано на родине, ведь советский «инкубатор наций» в 1920–1930-е годы работал автономно, не нуждаясь в мнении представителей академической науки и лучших творческих сил российской интеллигенции.

Построение нового советского государства в форме СССР, совпавшее по времени с высылкой философа за границу, проходило на фоне отказа от многих ценностных ориентиров и принципов, выработанных на протяжении столетий. Идею исторического единства России заменили лозунги «пролетарского интернационализма», религиозную духовность русского народа активно разрушали воинствующие атеисты, а на смену самодержавию пришло коллективное руководство в лице Политбюро ЦК. Новое советское государство создавалось в форме федерации национальных советских республик, причем существовавшее в Российской Империи многообразие форм самоуправления на национальных окраинах было заменено единым большевистским политическим стандартом, в котором ключевую роль играла партия — РКП(б), позднее ВКП(б). Существовавшее на тот момент региональное своеобразие парадоксальным образом оказалось под угрозой, что происходило на фоне упрощения и «сглаживания» социальной структуры общества ради туманных перспектив воспитания в СССР «нового человека».

На фоне этих процессов «глубинный» русский народ практически утратил субъектность и сам оказался объектом многочисленных социальных экспериментов. Теоретические разработки Лосского в сложнейших вопросах нации и национализма могли бы в тот момент сослужить хорошую службу родине, где активно проводилась политика «коренизации» в национальных республиках, сопровождаемая разрушением традиционных институтов, в частности религиозных и семейных. Однако, как отметил позднее сам ученый, «материалисты-революционеры, занимающиеся философией не из любви к истине, а ради узко практической цели, именно для выработки орудия, разлагающего старую общественную жизнь, не занимаются такими вопросами, требующими углубленного анализа» [Лосский, Диалектический материализм в СССР, с. 37].

Лишь в наши дни оказалось возможным оценить масштаб научных достижений Лосского как философа и историка. Возвращение на родину в начале 1990-х годов его имени (в числе ряда других) открыло соотечественникам ранее неизвестные богатства русской философской мысли.

Жизненный путь мыслителя, в чем-то сходный с путем героя «Очарованного странника» Н.С. Лескова — воплощения собирательного образа русской души, отразил судьбу его народа. Ранние годы жизни Н.О. Лосского, родившегося в 1870 г. в местечке Креславка Двинского уезда Витебской губернии, прошли на белорусско-латышском пограничье, на берегах Западной Двины. Именно здесь сформировались его начальные представления об огромной многонациональной России. Заметное влияние на мировоззрение ученого оказало его увлечение природой и любовь к своей малой родине — Белоруссии, которую он всегда считал органичной частью единого русского

культурного и исторического пространства. Уже в детстве закладывалось мировоззрение будущего мыслителя, о чем сам Лосский откровенно рассказывал в своих мемуарах. «Вероятно, мне был девятый год, когда я прочитал статью Карамзина «О любви к отечеству и народной гордости». Статья попала на подготовленную почву. Перед тем во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. я нередко читал своей двоюродной бабушке сообщения с театра войны в «Правительственном Вестнике». Моя любовь к России, гордость ею, вера в ее великие достоинства прочно сложилась в моей душе уже тогда» [Лосский, Воспоминания...].

Путь Лосского к осознанию глубоких духовных корней русского народа оказался далеко не простым — в юности будущий философ был исключен из Витебской мужской гимназии за пропаганду социалистических идей. Как и его знаменитый современник Петр Струве, Лосский пережил увлечение модными тогда теориями социализма и впоследствии разочаровался в них, сделав выбор в пользу универсальной этики христианства.

Жизнь на пересечении нескольких культур, католицизм матери, польские корни семьи и при этом глубокий русский патриотизм сформировали в Н.О. Лосском ученого с имперским самосознанием, в котором узкий национализм окраин отвергался в пользу «универсализма» целого. Универсальность империи, веками создаваемой общими усилиями трех ветвей «большого» русского народа (наряду со многими другими народами России) оказывалась в его системе взглядов важным фактором исторического процесса.

Даже находясь за границей, философ последовательно защищал русскую национальную идею от несправедливых нападок и исторических фальсификаций, указывая на важный вклад российской государственной традиции в мировую культуру. В частности, Лосский критиковал «крайний национализм» правительства приютившей его Чехословакии, где эмигранты из России оказались в качестве «граждан второго сорта». Общественная среда, сформировавшая политический климат в этой стране, состояла, по его словам, «главным образом, из чехов, относившихся с недоверием к русской духовной культуре, выработанной при царской власти. Эти чехи, как и вся Западная Европа, имели ложное представление о царской власти, несправедливо считая ее варварской и некультурной. Точно так же дореволюционную русскую духовную культуру они считали грубо реакционной, а сами стремились во что бы то ни стало к прогрессивности» [Там же]. В этом нарочито пренебрежительном отношении к русской культурной традиции проявился, по мнению Лосского, «крайний национализм чехов, непонятный нам, русским, привыкшим к великодержавной политике, стремящейся использовать всякий талант независимо от того, к какой народности принадлежит носитель его» [Там же]. Националистическая среда послевоенной Европы, пропитанная стремлением построить демократию «без религиозных основ» на почве позитивистского миропонимания, противопоставлялась философом традициям русской культуры и государственности.

Прообразом Царства правды и «абсолютного добра», которое имело не только духовное, но и земное измерение, для Н.О. Лосского выступала дореволюционная Рос-

сия. Причем защищаемые философом традиции русской дореволюционной жизни имели, по его убеждению, глубокие духовные основания. Речь шла в первую очередь о попытке приблизиться к христианскому идеалу «абсолютных ценностей», т.е. приобрести «нравственное добро, красоту, познание истины, блага неделимые и неистребимые, служащие всему миру» [Лосский, Характер русского народа, с. 9]. Открытость российской культуры, ее универсальность, всемирность и «всечеловечность» (о которой упоминал Ф.М. Достоевский в знаменитой речи об А.С. Пушкине) выступали базовыми маркерами при описании Лосским российской действительности.

Неоспоримым фактом была для него и неделимость российского «целого», доказанная многовековой историей. Несмотря на периоды длительного разделения и обособленного развития, части исторической России к концу ее имперской эпохи были объединены в рамках единого государства. Не в последнюю очередь это единство было связано с духовной сферой, с ценностями и ориентирами, выработанными народом России на протяжении столетий. Кроме того, согласно взглядам философа, созданная в России империя выполняла важную цивилизационную функцию благодаря своей географии (расположению на стыке Востока и Запада) и размерам, подобно крупному небесному телу, словно силой гравитации притягивая малые «политические тела» и народы.

В детских воспоминаниях Лосского есть любопытный эпизод: «В длинные зимние вечера, сидя рядом с матерью, я брал иногда свою грифельную доску и чертил на ней фантастические границы России, а рядом с нею какие-то воображаемые государства. Потом в моем воображении разыгрывалась история войн и добровольных присоединений, Российская империя все разрасталась и, наконец, поглощала все» [Лосский, Воспоминания...].

Дискурс «целого» представляется ключевым для понимания научных подходов Н.О. Лосского к решению важнейших общественных и философских проблем современной ему России. Уже в юности у будущего ученого возникло ощущение, переросшее затем в твердое убеждение, о единстве «трех ветвей русского народа, создавшего великую державу с мировой культурой». Проводя параллели с современными ему европейскими государствами, Лосский указывал на схожесть проблем, с которыми столкнулись в начале XX в. все «большие нации» Европы, в том числе и русская.

В каждом из этих крупных национальных государств, считал ученый, «выработалось единое национальное сознание, ценимое большинством граждан государства сознательно или, по крайней мере, подсознательно. Но в то же время в каждом из них имеются лица, отталкивающиеся от великого национального целого и предпочитающие ему особенности своей провинции. Они хотели бы возвести свою провинцию на степень нации, образующей самостоятельное государство» [Лосский, Украинский и белорусский сепаратизм, с. 188]. Этот вид национализма Лосский именуется «провинциализмом», указывая на положительное значение национализма «подлинного», заключающегося в любви к Отечеству и своей большой нации.

Конфликт двух различных типов национализма, исходя из их во многом противоположной природы, по его мнению, практически неизбежен. Разрушение высокой культуры, выработанной в России и Европе, «ценной для всего человечества», Лосский считал потенциальной угрозой будущего, связывая ее с поощрением сепаратистских устремлений национальных окраин. Высокая культура, по его мнению, могла сложиться и плодотворно развиваться только в рамках единого национального целого. Разрушение целого неизбежно привело бы к кризису культуры, ослабляя исторический потенциал нации.

В то же время Лосский призывает различать философские понятия «единства» и «тождества», так как различные социальные составляющие «большой нации», пребывая в единстве, по-прежнему способны сохранять культурное, языковое и религиозное своеобразие. Невозможно, по его мнению, игнорировать и вклад каждой отдельной творческой личности в развитие национальной культуры, ибо он по-своему уникален и неповторим. «Все три ветви русского народа, — отмечал Лосский, — совместными усилиями выработали великую культуру, которая в конце XIX и начале XX века была на уровне западноевропейской культуры. Чтобы согласиться с этим, достаточно вспомнить русскую литературу, музыку, науку, инженерное искусство; после великих реформ Александра II русский суд был выше западноевропейского; высоко развилось земское и городское самоуправление; благолепие русского православного богослужения теперь стало известно всему миру. Русский литературный язык принадлежит к числу особенно высокоразвитых языков. Выработали его совместными усилиями и великороссы, и малороссы, и белорусы. Достаточно вспомнить имена Гоголя и Короленко, чтобы признать участие украинцев в том великом достижении» [Лосский, Воспоминания...].

Большая русская нация для Лосского неделима и органически сочетает в себе достоинства всех ее многочисленных и далеко не тождественных составляющих. Нация представляет собой «симфонию» отдельных творческих элементов — личностей, а любовь к Отечеству невозможна без любви к каждому отдельному человеку. «Русская идея — христианская идея; на первом плане в ней — любовь к страдающим, жалость, внимание к индивидуальной личности» [Лосский, Характер русского народа, с. 23]. В соответствии с этим и «каждое общественное целое, нация, государство и т. п., есть личность высшего порядка: в основе его есть душа, организующая общественное целое так, что люди, входящие в него, служат целому, как органы его» [Там же с. 7]. Этот взгляд на нацию как на живой организм, уникальную и сбалансированную живую систему, развивал и дополнял представления русского философа и историка Л.П. Карсавина, впервые в отечественной философии употребившего термин «симфоническая личность» [Там же]. Нация, по Лосскому, подобна симфонии, а ее разрушение означает катастрофу для национальной культуры, традиции и истории.

Оказавшись очевидцем событий двух русских революций и Гражданской войны, ученый смог на практике проверить актуальность своих теоретических размышлений. Разрушение исторического единства России большевиками Н.О. Лосский считал центральным актом трагедии революционных потрясений 1917–1922 гг. Философ неодно-

кратно характеризовал его как тягчайшее преступление новой власти против своего народа. Вопреки распространенным оценкам, признающим положительное значение большевизма в деле собирания распавшегося за годы Гражданской войны политического пространства России (с некоторыми исключениями восстановленного к 1922 г.), Лосский придерживался противоположной точки зрения. Большевистские подходы к государственному строительству и, в частности, их национальная политика, превратившая Советский Союз в «фабрику наций» и разделившая его искусственными границами, не вызвала у философа никакого сочувствия. Впрочем, он уделил немало внимания и предпосылкам зарождения такой политики, опиравшейся на накопленный годами проблемный потенциал российских национальных окраин.

В вышедшей в 1934 г. статье «Диалектический материализм в СССР» Лосский детально разбирал противоречия советской марксистско-ленинской идеологии и практики, пророчески указывая на потенциально опасные долгосрочные последствия подобных экспериментов. Несмотря на существенные расхождения политики лидеров большевизма с их собственными идеалами, писал ученый, «стоит назвать противоречие «жизненным», и деятельность их оказывается оправданною. Так, напр., большевики дробят СССР на множество автономных национальных республик, искусственно культивируя язык и литературу у народностей, совершенно не склонных к обособленному от России национальному развитию (по-видимому, в основе этой политики лежит цель: «divide et impera!»). Сталин в одной из своих речей говорит по этому поводу, что национальным культурам необходимо развиваться, чтобы слиться «в одну общую культуру с одним общим языком». О государстве, которое согласно марксизму есть всегда эксплуататорская форма организации общества, подлежащая совершенной отмене, тот же Сталин говорит: «высшее развитие государственной власти в условиях подготовки условий для отмирания государственной власти — вот марксистская формула... противоречие это жизненно и оно целиком отражает марксову диалектику» [Лосский, Диалектический материализм в СССР, с. 47].

Верным представляется утверждение Лосского о том, что сильная русская нация была чужда большевизму, тем более что сама идея «единой и неделимой России» прочно ассоциировалась с политическими лозунгами Белого движения. Однако верно и то, что упомянутый ученым древний принцип «разделяй и властвуй» открывал широкие возможности для экспорта революционных идей, проводниками которых служили новые «социалистические» нации, возникшие на обломках русского имперского пространства. Революция выступила катализатором процессов, долгие годы вызревавших в недрах «большой нации» России, когда на смену «провинциализму», описанному Н.О. Лосским, пришел национализм интегрального толка. Для будущего России, ее культуры и государственной традиции огромное значение имело развитие украинского и белорусского национализма. Оба эти движения, как известно, зародились задолго до 1917 г., еще в конце XIX — начале XX в. Однако именно революция предоставила широкие возможности лидерам украинской и белорусской национальной идеи реализовать свои политические амбиции.

Н.О. Лосский уделял особое внимание характеристике украинской и белорусской проблемы, посвятив ей немало страниц своих «Воспоминаний» и отдельную публикацию — статью «Украинский и белорусский сепаратизм», вышедшую в журнале «Грани» в 1958 г.

Говоря о культурном «провинциализме» как об источнике украинского сепаратизма, ученый отмечал его роль в качестве своеобразного инструмента, направленного на раскол русского исторического пространства. Большевики лишь использовали стремление местных интеллектуальных элит «возвести свою провинцию на степень нации, образующей самостоятельное государство». Широкие возможности для этого открывала постреволюционная реальность, когда в условиях кризиса нравственных ценностей «симфонический» человек уступил место человеку эгоистическому, ничем не ограниченному в достижении своих целей. Человеческий эгоизм Н.О. Лосский называл главной причиной, препятствующей торжеству этики «абсолютного добра» и ведущей к расколу национального «целого».

В «состав» подлинного национализма, писал философ, «входит любовь к значительным событиям исторического прошлого народа» [Лосский, Украинский и белорусский сепаратизм, с. 195]. И потому в первую очередь история оказывается тем полем, на котором сталкиваются интересы «больших» и «малых» национализмов. Говоря об истории Украины, Лосский предупреждал об опасности попыток ее фальсификации, модернизации исторического знания, присвоения прошлого. Огромное значение, по словам ученого, имело то, что именно в Киеве, на землях будущей Малороссии было положено начало русскому государству. Киев и в начале XX столетия оставался духовным и сакральным центром русского народа, по сути, третьей российской столицей. По мнению Лосского, именно здесь, в Малороссии, и есть «основная Россия». Недаром, напоминает ученый, в летописи Нестора говорится: «Се повести временных лет, откуда есть пошла русская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда русская земля стала есть» [Там же]. Колыбель русской государственности, культуры и христианской традиции, Киев приобрел универсальное и непреходящее значение для русской национальной идеи. Борьба за его историческое наследие, начавшись при жизни философа, и в наше время продолжает оставаться важным фактором, определяющим будущее Украины и России.

«Встреча с украинскими сепаратистами, — пишет Лосский, — ненавидящими Россию, изумляет русского человека и глубоко ранит сердце его. Представляется непонятным их искаженное понимание начала русской истории; чувствуется как нечто нравственно предосудительное **предпочтение ими провинциальных обособленных ценностей совместному творчеству всех трех ветвей русского народа, создавшего великую державу с мировой культурой**» (выделено мною. — А.К.) [Лосский, Воспоминания...].

Попытки современной украинской политики опереться на историю в «противостоянии» с Россией и, в частности, недавно прозвучавшие из офиса президента В.А. Зе-

ленского предложения переименовать страну в «Русь-Украину» подтверждают правоту Лосского [Арестович]. Остается лишь поражаться прозорливости взглядов русского ученого (уроженца Белой Руси), высказанных почти столетие назад. Ведь даже в своей радикальной форме современный украинский национализм никак не может разорвать связь с той исторической базой и культурной основой, которая его воспитала. А четко выраженный регионализм в развитии украинской национальной идеи, для которой Галиция (Червонная Русь) долгие годы выполняла роль политического и культурного «Пьемонта», является лучшей иллюстрацией представлений философа о «провинциализме» как неизбежной и потому крайне опасной для больших наций болезни.

Н.О. Лосский призывал сосредоточиться на положительных примерах культурного и исторического взаимодействия России и Украины, на протяжении столетий взаимно дополнявших и обогащавших друг друга. «Думая о России, — утверждал Лосский, — украинцам следовало бы руководиться примером такого гения, как Гоголь. [...] Он страстно любил свою родину, но вместе с тем он любил весь русский народ, русский язык и Россию, как государство. Национальное сознание его было великодержавное русское. Интеллигентные малороссы творили в XIX веке великую культуру в неразрывной связи со всем русским народом, не отделяя себя от великороссов» [Лосский, Украинский и белорусский сепаратизм, с. 193].

Будущее, по мнению Лосского, могло быть только за федеративной формой организации политического пространства российского государства, в котором следовало обеспечить свободное развитие всех его национальных окраин при сохранении политического единства, без ущерба для «великой русской культуры». «Когда Россия освободится от коммунистической диктатуры, писал философ, — и нелепого марксизма-ленинизма, она создаст высокую культуру, в которой будет осуществлён синтез высоких ценностей дореволюционного прошлого с ценностями, достигнутыми во время революции. Если сепаратистам-украинцам удалось бы отделить Украину от России и образовать самостоятельное государство, культура Украины весьма пострадала бы. Отрекшись от великой прошлой культуры, выработанной путем органичной связи всех трех ветвей русского народа, шовинисты-украинцы достигли бы только ускоренного развития провинциальных особенностей своего языка и своего быта. Любовь к своему быту и наречию может и должна быть удовлетворена в форме федерации с остальными областями России, федерации такой, при которой единство культуры и великие задачи ее были бы сохранены» [Лосский, Украинский и белорусский сепаратизм, с. 196]. Федерация, предложенная Лосским, мыслилась им как союз, основанный на универсализме духовных ценностей, общих для всех русских, а не на «праве наций на самоопределение» и партийном диктате, прикрытом лозунгами «дружбы народов» и «пролетарской солидарности».

Стоит заметить, что еще при жизни философа предпринимались попытки причислить его к тому или иному национальному/политическому лагерю. В частности, довольно распространены оценки, выводящие на первый план происхождение Н.О. Лосского, его польские корни и белорусскую «малую родину». Однако все они были заранее об-

речены на неудачу. Никто лучше самого философа не мог определить его национальную идентичность. Жизнь в эмиграции, в новой культурно-языковой среде была лишь дополнительным катализатором формирования у него однозначной и не подлежащей сомнению самоидентификации.

Белоруссия в системе взглядов Н.О. Лосского — самобытная и при этом органичная и неотъемлемая часть исторической России. Говоря о зарождении в начале XX в. белорусского национализма, Лосский подчеркивал его связь с украинским национальным проектом, сходство методов, которыми руководствовались сторонники этих двух политических течений. Никаких объективных исторических предпосылок для обособленного развития данных народов не существовало, ибо, как и украинцы, белорусы столетиями боролись за свою русскую и православную идентичность, против ополячивания и окатоличивания. И потому естественным было объединение их усилий для освобождения Белой и Малой Руси от чуждого господства и строительства единого государства. Тем более странными выглядят современные попытки представить Лосского сторонником белорусской национальной идеи, смещающие акцент в сторону происхождения философа [Лянькевич, с. 90].

«Сознание того, что белорус есть русский, — отмечал Лосский, — мне хорошо знакомо, потому что я сам белорус, родившийся в Двинском уезде Витебской губернии в местечке Креславка на берегу западной Двины. Учась в Витебской гимназии, я, в возрасте двенадцати лет, читал только что появившуюся книгу “Витебская старина” (1883 г.). Из нее я узнал о нескольких веках борьбы белорусов за свою русскость и Православие. С тех пор мне стало ясно, что называние себя белорусом имеет географическое значение, а этнографически для белоруса естественно сознавать себя русским, гражданином России» [Лосский, Украинский и белорусский сепаратизм, с. 197].

Но не только «малую родину» ученого пытались вывести на первый план его политические оппоненты. Рассказывая о своей поездке из Праги в Варшаву в 1925 г., Лосский вспоминал: «Особенно тяжело было для меня то, что польское общество, имея в виду наличие во мне польской крови, выдавало меня за поляка. Несмотря на мою симпатию к польскому народу и признание его высоких духовных достоинств, все это шло вразрез с моим русским национальным сознанием» [Лосский, Воспоминания...]. Важным представляется и упоминание о встрече философа с митрополитом Варшавским Дионисием (Валединским) — участником церковных реформ, которые проводило в этот период польское правительство с целью создания отдельной от Московского патриархата автокефальной Православной церкви. Не соглашаясь с политикой церковного раскола, Лосский подверг критике усилия Варшавского владыки по публикации периодических изданий на «белорусском диалекте, ужасающе неэстетичном и некультурном» [Там же]. В этих фрагментах воспоминаний переплетаются два мотива, которыми руководствовался Н.О. Лосский, живя в эмиграции: противостояние узкому национализму народов, бывших некогда частью единого «целого», и публичная манифестация своего русского национального самосознания.

Вслед за Н.А. Бердяевым, С.Л. Франком и Л.П. Карсавиным, Лосский подчеркивал глубокие духовные основы русского единства, говорил о «высоких свойствах, присущих совместно всем трем ветвям русского народа, о религиозности русских, об искании абсолютного добра, смысла жизни, способности к высшим формам опыта» [Лосский, Украинский и белорусский сепаратизм, с. 197]. Различие великороссов и малороссов состояло, по его мнению, лишь в том, что они — «северное и южное племя», которые по своему характеру дополняют друг друга. По его словам, «величие русской нации уже доказано прошлой историей России. Будем надеяться, что разум украинского народа победит сепаратистов» [Там же]. Несмотря на реализм в оценках последствий советской национальной политики, Лосский выражал надежду на благоприятный исход конфликта «больших» и «малых» национализмов на территории русского культурного пространства.

Раскол исторического тела России в XX в. и сегодня остается одной из самых болезненных национальных травм ее истории. Лишь спустя десятилетия к тем, кто прежде не задумывался о «подводных камнях» политики советского нациестроительства, приходит осознание ценности былого единства и негативных последствий пренебрежения к философии «другого пути», предложенного яркими представителями российской интеллектуальной элиты из вынужденной эмиграции.

Вскрывая противоречия советского строя и философии диалектического материализма (при ближайшем рассмотрении эта философия оказывается совсем не материалистичной, что позднее прекрасно доказал Н.А. Бердяев), Лосский предупреждал об опасностях национальной политики в СССР. Ведь ее результаты могли оказаться прямо противоположными тем, что были задуманы «отцами-основателями» советской политической системы. Новые «социалистические» нации, родившиеся в 1920–1930-е годы, по сути представляли собой готовые государства, элиты которых ждали лишь удобного момента, чтобы, воспользовавшись ослаблением партийной догмы, разорвать связи с союзным центром.

За много десятилетий до 1991 г. Лосский предвидел распад СССР, что со всей очевидностью выводило на первый план самый сложный и болезненный национальный вопрос. «В наше время среди украинцев-эмигрантов сильно развился украинский национализм, пропитанный ненавистью к России, доходящий до утверждения, что враг номер первый — не коммунизм, а русский народ. После падения советской диктатуры такие украинцы хотят отделения Украины от России и образования из нее самостоятельного государства», — пророчески писал Лосский в 1958 г. [Лосский, Украинский и белорусский сепаратизм, с. 189].

Характерно, что размышлениями об украинском национализме заканчиваются воспоминания ученого, сумевшего еще в межвоенные годы разглядеть в туманных контурах будущего и образование наднациональных структур Европейского союза, и построение западной модели социализма «шведского типа», и крушение СССР с формированием на его обломках новых независимых государств. По его убеждению,

советское руководство было лишено реальных инструментов, чтобы в будущем удержать страну от распада, ведь «пролетарский интернационализм» за десятилетия так и не стал надежной спайкой для созданных в СССР «социалистических» наций.

Разрушая старое, никто не позаботился о творческом синтезе для построения будущего, т.к. сам творческий «человек-деятель» исчез, уступив место послушному элементу государственно-партийной машины. Партийность советской системы отвергала все ей чуждое, в том числе, оригинальные философские идеи, не укладывающиеся в марксистский канон, почти с религиозным упорством защищаемый его последователями. Лосский особо подчеркивал, что «не истины ищут большевики в философии, а только удобного оружия для достижения своих революционных целей» [Лосский, Диалектический материализм в СССР, с. 64]. Именно поэтому, отмечал он, при В.И. Ленине критиковались любые «отступления от материализма и поправки идеализму» [Там же, с. 64–65]. А при И.В. Сталине в послевоенные годы борьба с инакомыслием затронула многие перспективные направления в советской науке и искусстве, когда атаке подверглись основанные на «западной» («буржуазной») традиции подходы к интерпретации исторического прошлого.

Пренебрежение живыми интересами нации во имя оторванной от реальности партийной догмы, согласно Лосскому, и стало главным содержанием российской трагедии XX в. «В СССР диалектический материализм есть философия партийная, служащая не целям искания истины, а практическим надобностям революции. Пока в СССР господствует власть, подавляющая всякое свободное исследование, диалектический материализм не способен ни к какому плодотворному философскому развитию», — выносил свой вердикт ученый [Там же, с. 66].

Предчувствие конца советского периода российской истории, неизбежность рождения вслед за ним нового мира и новой России со всей очевидностью прослеживается во многих высказываниях философа. Присущая его этике идея нравственного прогресса охватывала не только развитие отдельной личности, но и мира в целом, вселяя надежду на позитивные перемены на родине. И хотя о возможных сроках этих изменений спорили тогда буквально все представители российского политического зарубежья, Лосский смог заглянуть в будущее гораздо дальше многих своих современников. Впрочем, с нетерпением ждали перемен не только в эмиграции. Спутник Н.О. Лосского по «философскому пароходу» М.А. Осоргин осенью 1922 г. получил удивительное напутствие от советских чекистов, ответственных за высылку ученых: «Да не переживайте вы так, Михаил Андреевич. Скоро наша власть кончится, и вы вернетесь» [Лосский, Воспоминания...].

Вопреки этому наивному оптимизму, философ Н.О. Лосский, как и М.А. Осоргин, никогда не вернулся в Россию. Вернулись его идеи, обогащая русскую мысль открытием новых «обитателей» и миров, которых на свете великое множество. Оригинальная и целостная философская система Лосского, его глубокий патриотизм как отражение всемирности и всечеловечности русской национальной традиции стали достоянием отечественной духовной культуры.

Литература

- Арестович выдвинул предложение переименовать Украину // Слово і Діло. 01.09.2021. — URL: ru.slovoidilo.ua/2021/09/01/novost/obshhestvo/arestovich-vydvynul-predlozhenie-pereimenovat-ukrainu (дата обращения: 08.10.2021).
- Бердяев Н.А. Русская идея. М. 2008.
- Будрайтскис И.Б. Страшная сила очевидности. Читая Ивана Ильина. // Colta. 26.12.2016. — URL: m.colta.ru/articles/raznoglasiya/13503-strashnaya-sila-ochevidnosti-chitaya-ivana-ilina (дата обращения: 08.10.2021).
- Веселова Н.А. Основания духовно-нравственной философии Н.О. Лосского. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Екатеринбург. 2011.
- Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923 / Вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; Комментар. В.Г. Макарова. М. Русский путь. 2005.
- Известия. 1922. 30 августа.
- Лосский Н.О. Воспоминания: Жизнь и философский путь / Предисл. и примеч. Б.Н. Лосского; Вступ. ст. О.Т. Ермишина. М. 2008. — URL: rp-net.ru/store/element.php?IBLOCK_ID=30&SECTION_ID=0&ELEMENT_ID=4261 (дата обращения: 08.10.2021).
- Лосский Н.О. Диалектический материализм в СССР. Р. 1934.
- Лосский Н.О. История русской философии. М. 1991.
- Лосский Н.О. Украинский и белорусский сепаратизм // Грани. Frankfurt (Main). 1958. № 39. С. 188–197.
- Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М. 1991.
- Лосский Н.О. Характер русского народа. Франкфурт. Посев. 1957.
- Лянькевич Г.Ч. Всечеловечность как продолжение патриотизма. О судьбе и философском пути Николая Лосского // Беларуская думка. 2013. № 1. С. 88–91.
- Осоргин М.А. Как нас уехали (фрагмент воспоминаний) // Времена. Париж. 1955. С. 180–185.
- Остракизм по-большевистски: Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. / Сост., предисл. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. М. Русский путь. 2010.
- «Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 65–96.